Р. Вормсъ.

СОЦІОЛОГІЯ И ПРАВОВѢДѢНІЕ.

Переводъ съ французскаго

Ю. В.

ИЗДАНІЕ
Юридическаго Книжнаго Магазина Н. К. Мартынова,
Комиссіонера Государственной Типографіи.

Цѣна 30 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева. Невскій просп., 8.
1900.

СПИСОКЪ СОБСТВЕННЫХЪ ИЗДАНІЙ

Юридическаго Книжнаго Магазина Н. К. Мартынова.

(С.-Петербургъ, Невскій пр., 50).

А) Сборники, руководства и др. практическія изданія:

Уставъ о цензурѣ и печати (Св. Зак. т. XIV) съ позднѣйшими узакон., законод. мотивами, разъясн. Сената и админ. распоряженіями. *В. Ширкова.* 1900. 2 р., въ перепл. 2 р. 50 к.

Уставъ дух. консисторій съ доп. и разъясн. Сената и Св. Синода. *М. Палибина.* 1900. 1 р., въ пер. 1 р. 30 к.

Уставъ строительный съ разъясн., дополн. и цирк. Мин. Вн. Дѣлъ. *М. Шрамченко.* Изд. 6. 1900. 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

Законы гражданскіе (Т. X. ч. 1), съ разъясн. Сената и алф. указат. Изд. 4. Сост. *А. К. Гаугеръ.* 98. 3 р., въ пер. 3 р. 50 к.

Положеніе о казенн. подрядахъ и поставкахъ, съ разъясн. Сената и позднѣйшими узакон. Сост. *А. К. Гаугеръ.* Изд. 4. 98 г. 60 к., въ переплетѣ 80 к.

Сборникъ рѣшеній Общаго Собр. Прав. Сената за 30 лѣтъ (66—96 г.г.), съ указателями: постатейнымъ, по фамиліямъ и разрѣш. вопросамъ. Составилъ онъ-же Изд. 2. 97 г. 5 р., въ пер. 5 р. 60 к.

Законы межевые (Т. X, ч. 2), доп. и разъясн. мнѣніями Государствен. Совѣта, рѣш. Сената, циркулярами Упр. Меж. Частью, приказами Предсѣд. Межев. Канцеляріи, правилами межеванія при разверстаніи угодій, суд.-меж. разбирательства и пр. Сост. *Ю. Д. Филиповъ.* 98. 3 р., въ пер. 3 р. 50 к.

Уставъ гражданскаго судопроизводства, дополненный и разъясненный всѣми позднѣйшими узаконеніями, законод. мотивами, рѣшеніями Правит. Сената, цирк. М. Ю. и алфавитнымъ указателемъ. Сост. Магистрантъ Спб. Унив. *В. М. Гордонъ.* 99. 4 р., въ шагр. перепл. 4 р. 60 к.

Уставъ уголовнаго судопроизводства, съ закон. мотивами, цирк. М. Ю., разъясн. Угол. Кас. Деп. и Общ. Собр. Сената и алф. указателемъ. Сост. Пом. Об. Секр. Угол. Касс. Деп. *В. Ширковъ,* подъ редакціей Состоящаго за Об. Прокур. столомъ того-же Д-та *М. Шрамченко.* 99. 4 р., въ пер. 4 р. 60 к.

Уложеніе о наказаніяхъ Угол. и Испр. съ разъясн. *Н. С. Таганцева.* Изд. 10. 99. 4 р. 50 к., въ пер. 5 р. 25 к.

Уставъ о наказаніяхъ, налаг. М. С., съ разъясн. Его-же. 99. 2 р., въ пер. 2 р. 50 к.

Руководство для суд. приставовъ, полиціи и взыскателей. Сост. *Н. Александровъ.* 96. 2 р., въ пер. 2 р. 50 к.

Правила счетоводства и отчетности суд. установленій, съ мотивами и цирк. разъясненіями. Сост. *Н. Преображенскій.* 97. 1 р., въ перепл. 1 р. 30 к.

Временныя правила о примѣненіи Суд. Уставовъ въ Сибири, съ мотивами и разъясненіями. Сост. *М. П. Домерщиковъ.* 97. 1 р., въ пер. 1 р. 50 к.

Временныя правила о примѣненіи Суд. Уставовъ въ областяхъ Сибири. 99. 50 к.

Объ отвѣтственности малолѣтн. и несовершеннолѣтнихъ. Законъ 2 Іюня 97 г., съ цирк. Мин. Юст., правилами пересылки, спискомъ испр. завед. и примѣчаніями. *Н. Мартынова.* 97. 30 к.

Образцы и формы дѣловыхъ бумагъ (письма, прошен., догов., обязательства, коммерч. корресп., судопр. бумаги, справ. свѣд.). Его-же. Изд. 2. 98. 1 р., въ пер. 1 р. 30 к.

Узаконеніе и усыновл. дѣтей, съ разъясн. Его-же. Изд. 3. 99. 50 к., въ пер. 75 к.

Справочная книга для опекуновъ и попечителей съ образцами опекунскихъ отчетовъ и донесеній. Его-же. Изд. 2. 97. 1 р., въ пер. 1 р. 30 к.

Положеніе о нотаріальной части, съ закон. мотивами, рѣш. Сената и образцами актовъ и засвидѣтельствованій. Его-же. Изд. 4. 1900. 3 р., въ пер. 3 р. 50 к.

Залоговыя свидѣтельства, порядокъ ихъ полученія. Практ. пособіе. *П. Дрожжина.* 1900. 30 к.

Домашнія духовныя завѣщанія, практ. руков. *А. Анисимова.* 92. 40 к., въ пер. 60 к.

Алфавитъ о прекращеніи неправоспособности. Сост. по 1 Янв. 1900 г. 1 р. 50 к.

Алфавитъ довѣренностей, уничтоженныхъ публикаціями въ Сен. Объявленіяхъ съ 1888 по 1 Января 1900 г. 1 р. 50 к.

Алфавитный указатель лицамъ, огранич. въ правоспособности. *А. Анисимова.* 5 р., дополн. къ нему списки (Свѣдѣнія по 1 Янв. 1900 г.) 1 р. 50 к.

Уставъ о герб. сборѣ, съ разъясн. Его-же. Изд. 8. 1900. 1 р., въ пер. 1 р. 30 к.

(См. стр. 3 обложки).

Р. Вормсъ.

СОЦІОЛОГІЯ И ПРАВОВѢДѢНІЕ.

Переводъ съ французскаго

Ю. В.

ИЗДАНІЕ
Юридическаго Книжнаго Магазина **Н. К. Мартынова**,
Комиссіонера Государственной Типографіи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева. Невскій просп., 8.
1900.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2 декабря 1899 г.

Новая наука, именующая себя социологіей, встрѣчаетъ со стороны юристовъ нѣсколько недовѣрчивое и даже подозрительное отношеніе. Лица, которыхъ мы имѣемъ въ виду, безъ сомнѣнія, полагаютъ, что она ставитъ себѣ цѣлью замѣнить, т. е. упразднить, всѣ остальныя социальныя науки, въ частности же юриспруденцію, а потому понятно, что они взираютъ на ея успѣхи съ нѣкотораго рода безпокойствомъ. Но это совершенно ошибочно. Социологія вовсе не имѣетъ цѣли и претензіи, которыя ей приписываются. Нелишне, поэтому, разсѣять это недоразумѣніе и, въ общихъ интересахъ двухъ, одинаково полезныхъ и почтенныхъ наукъ, доказать, что социологія и правовѣдѣніе могутъ ужиться рядомъ, не только не вредя другъ другу, но даже оказывая себѣ взаимную и постоянную поддержку. Настоящій этюдъ имѣетъ задачей представить это доказательство.

I.

Для нашей цѣли не безполезно будетъ намѣтить въ общихъ чертахъ эволюцію, которую претерпѣло самое понятіе правовѣдѣнія въ теченіе приблизительно двухъ столѣтій. Въ первые годы XVIII в. во Франціи юристы—судьи, адвокаты, профессора—въ большинствѣ случаевъ не думали приписывать правовѣдѣнію иной задачи, кромѣ разрѣшенія споровъ между частными лицами согласно тексту писанныхъ законовъ или установившимся обычаямъ. Они охотно ограничивали свою задачу разумнымъ толкованіемъ этихъ законовъ или обычаевъ и примѣненіемъ содержащихся въ нихъ общихъ правилъ къ частнымъ случаямъ, которые имъ нужно было разрѣшать. Обычная дѣятельность юриста въ тѣ времена, казалось, не должна была выходить за предѣлы судебнаго засѣданія. Она цѣликомъ заключалась въ повседневной практикѣ судовъ.

Съ развитіемъ изученія публичнаго права понятіе юриспруденціи расширилось. Международное право было основано Гроціемъ. Политическія учрежденія чужихъ странъ, въ особенности Англіи, сдѣлались предметомъ замѣчательнаго изслѣдованія со стороны Монтескье. Природа гражданскаго общества и государства послужила темой для популярныхъ доктринъ Руссо и энциклопедистовъ. Въ то же время развились первыя политико-экономи-

ческія системы. Въ результатѣ всѣхъ этихъ умозрительныхъ изслѣдованій у юристовъ явилось понятіе о такомъ порядкѣ вещей, о такомъ правопорядкѣ, который отличенъ отъ того, къ какому они привыкли. Имъ открылось во многихъ пунктахъ несовершенство законовъ, которымъ они до сихъ поръ послушно слѣдовали, и внушило нѣкоторымъ изъ нихъ желаніе измѣнить ихъ. Беккаріа и Филанджіери были апостолами этого обновленія въ уголовномъ правѣ, а въ гражданскомъ самыми усердными дѣятелями его сдѣлались великія республиканскія собранія. Затѣмъ, XVIII вѣкъ истекъ, а смѣнившій его XIX начался кодификаціонной работой, безъ сомнѣнія, несовершенной, но въ общемъ грандіозной. Эти попытки политиковъ, присоединившись къ попыткамъ философовъ предшествующаго вѣка, показали, что на ряду и, нѣкоторымъ образомъ, надъ дѣятельностью судьи, ограничивающеюся истолкованіемъ существующихъ законовъ, есть мѣсто— не въ области произвола и фантазіи, а въ области разума и права,—для дѣятельности мыслителя, изслѣдующаго, въ какихъ пунктахъ эти законы могутъ быть улучшены, и государственнаго человѣка, который приводитъ въ исполненіе проекты реформъ, когда онѣ достигли зрѣлости и отвѣчаютъ дѣйствительнымъ и насущнымъ потребностямъ общества. Съ этихъ поръ было признано, что въ понятіе правовѣдѣнія нужно включать не одну только юридическую, судебную практику, но и юридическое, законодательное искусство.

Къ этимъ двумъ вѣтвямъ правовѣдѣнія, соотвѣтствующимъ двумъ вполнѣ законнымъ и даже необходимымъ функціямъ: практической дѣятельности и искусству, нашъ вѣкъ прибавилъ третью, создавъ то, что составляетъ юридическую науку въ собственномъ смыслѣ. Она явилась результатомъ реакціи, возникшей преимущественно въ Германіи противъ Наполеоновой кодификаціи. Безъ сомнѣнія, заявили Савиньи и его ученики, право узнается изъ текстовъ; но оно существовало раньше въ самомъ сознаніи того народа, для котораго составлены эти тексты. Наибольшій интересъ для юриста представляетъ не примѣненіе закона, если онъ написанъ, и не редактированіе его, если его еще не написано, а познаніе, раскрытіе тѣхъ основныхъ причинъ, которыя вызвали къ жизни обычаи, являющіеся источникомъ закона. Такимъ образомъ, въ законѣ важно не столько его настоящее и даже не столько его будущее, сколько его прошедшее. Тутъ для юриста возникаетъ новая задача: изслѣдовать происхожденіе существующихъ нормъ, опредѣлить ихъ первоначальный видъ, прослѣдить ихъ развитіе, показать ихъ послѣдовательныя измѣненія, словомъ представить исторію національнаго законодательства. Этотъ новый родъ изслѣдованія, какъ извѣстно, давно усвоенный всѣми европейскими учеными, былъ еще болѣе расширенъ, когда выяснилось, что изученіе законодательствъ разныхъ странъ порознь въ ихъ историческомъ развитіи, должно быть дополнено синтезомъ, сравненіемъ между этими продуктами различныхъ почвъ и различныхъ обществъ, что, прослѣдивъ какое-либо учрежденіе во времени, необходимо разсмотрѣть его также и въ пространствѣ, подмѣтить его измѣненія въ зависимости отъ мѣста, климата и національности, подобно тому, какъ уже выяснены его измѣненія по слѣдую-

щимъ другъ за другомъ эпохамъ и поколѣніямъ. Расширившись, такимъ образомъ, благодаря введенію историческаго и сравнительнаго элементовъ, изученіе права дѣйствительно превратилось въ науку, въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаютъ это слово логики со временъ Стюарта Милля. Съ тѣхъ поръ юристы раздѣлились на три группы. Ученые въ строгомъ смыслѣ слова изслѣдуютъ измѣнчивыя формы юридическихъ учрежденій во времени и въ пространствѣ, не заботясь о непосредственномъ примѣненіи. Художники, ремесленники права или, говоря обыкновеннымъ языкомъ, законодатели заботятся объ улучшеніи этихъ учрежденій въ своей странѣ, принимая также въ разсчетъ доставляемыя учеными указанія на формы, принятыя этими учрежденіями въ другихъ странахъ. Практики, наконецъ, поставленные лицомъ къ лицу съ существующими законами, стараются примѣнять ихъ наиболѣе справедливымъ образомъ, вдохновляясь иногда законодательными работами и стремясь въ такихъ случаяхъ придать тексту закона, завѣщанному прошедшимъ, такой смыслъ, какой онъ долженъ, повидимому, имѣть въ будущемъ.

II.

Въ то время, какъ происходила эта эволюція, расширявшая понятіе правовѣдѣнія, параллельная ей эволюція происходила и въ другихъ соціальныхъ наукахъ. И здѣсь тоже она вела къ тому, чтобы на ряду съ практикой и искусствомъ поставить настоящую науку. Въ сферѣ экономической, напр., правители, регулируя производство, обращеніе и потребленіе богатствъ, издавна придерживались системы оппортунизма и эмпирической практики. Физіократы, опередивъ эту узкую точку зрѣнія, установили извѣстныя высшія правила, въ которыхъ видѣли основу всякой здравой организаціи, короче, общія формулы реформъ и мѣропріятій: это была разработка экономическаго искусства. Школа, именуемая классической, или либеральной, продолжала этотъ путь, но ея догматизмъ оттолкнулъ нѣкоторые умы, пришедшіе къ заключенію, что нѣтъ правила, которое съ одинаковой справедливостью было бы примѣнимо ко всѣмъ странамъ и ко всѣмъ эпохамъ; что у всякаго общества и у всякаго вѣка свой особенный способъ производства и потребленія богатствъ, способъ, зависящій столько же, если не больше отъ свойственныхъ имъ нуждъ, какъ и отъ общихъ потребностей человѣчества; что, поэтому, есть основаніе замѣнить теорію, претендующую управлять родомъ человѣческимъ посредствомъ неизмѣнныхъ догматовъ, чисто наблюдательнымъ и индуктивнымъ изслѣдованіемъ, которое въ подробностяхъ ознакомилось бы съ жизнью каждаго народа, что, однимъ словомъ, нужно доискиваться не того, что должно было бы быть, но того, что было и что есть. Таковъ принципъ экономической школы, тоже процвѣтающей, въ особенности въ Германіи и называющейся историко-реалистической школой.

Подобныя же явленія встрѣчаются и въ другихъ областяхъ. Въ области религіи средніе вѣка знали схоластиковъ, извлекавшихъ изъ одного священнаго текста безчисленное множество выводовъ: это была эпоха прак-

тики. Во всѣ времена, однако, были люди, которые, не приковывая себя къ буквѣ текста, старались найти новые религіозные принципы. Но это движеніе въ особенности стало плодотворнымъ съ появленіемъ реформаторовъ XVI вѣка: этотъ и послѣдовавшіе за нимъ вѣка были эпохой религіознаго искусства. Въ настоящее время догматическія словопренія начали надоѣдать, и предметомъ занятій стало не столько открытіе идеальной религіи, сколько изученіе культовъ всѣхъ народовъ, даже исчезнувшихъ и дикихъ: мы переживаемъ эпоху науки религій.

Та же эволюція произошла и въ эстетикѣ. Сто лѣтъ тому назадъ литература и искусство жили подражаніемъ классикамъ. Буало для поэтовъ былъ тѣмъ же, что сводъ законовъ для юристовъ. Немного спустя возникло романтическое движеніе: стали изощряться въ отыскиваніи новыхъ формулъ прекраснаго и разсуждать безъ конца о сущности поэзіи и живописи. Теперь эти споры утихаютъ и наступаетъ господство историковъ литературы и искусства, не столько стремящихся примѣнять единственный и абсолютный критерій, сколько узнать, въ чемъ каждый вѣкъ полагалъ свой идеалъ и какъ пытался его осуществить.

Подобное явленіе повторяется всюду, вплоть до политики. Политическій эмпиризмъ, единственно извѣстный въ средніе вѣка, былъ со временъ возрожденія разбитъ абстрактными теоріями: автократизмомъ Маккіавели и Гоббса и либерализмомъ Бодена, Локка и Монтескье. XVIII столѣтіе было золотымъ вѣкомъ этой послѣдней доктрины, принявшей двѣ совершенно различныя формы: утилитарнаго либерализма англичанъ и раціоналистическаго либерализма нашихъ (французскихъ) писателей. Съ XIXвѣкомъ автократическія доктрины возникаютъ въ Германіи, но уже опираясь на новый факторъ, который проникаетъ въ политику такъ же, какъ въ политическую экономію и правовѣдѣніе: на исторію. Дѣйствительно, исторія преобразовала прежніе споры. Вмѣсто того, чтобы задаваться вопросомъ, какая политика идеальна, вмѣсто того, чтобы выводить изъ болѣе или менѣе гадательныхъ принциповъ природы личности и общества всюду примѣнимую формулу правленія, теперь охотнѣе задаются вопросомъ, какъ въ дѣйствительности различные народы были управляемы. Наука политическихъ учрежденій, такимъ образомъ, заняла мѣсто на ряду съ наукой юридическихъ учрежденій, съ наукой экономическихъ явленій, наукой религій, наукой эстетическихъ явленій.

Только для того, чтобы не удлиннять чрезмѣрно изложенія, я ограничусь указаніемъ, что подобнымъ же образомъ въ наши дни возникла наука демографіи, наука языка, наука нравственныхъ идей и нравственнаго поведенія. Общей чертой всѣхъ этихъ новыхъ отраслей знанія является то, что онѣ не усиливаются уже формулировать правила дѣятельности, какъ это дѣлали предшествовавшія имъ искусства, но стараются познать свершившіеся факты и раскрыть общіе законы, управлявшіе эволюціей обществъ.

III.

Едва лишь зародившись, указанныя науки сблизились между собой. Это весьма понятно: каждый изъ ихъ основателей, чтобы добиться принятія

въ свою отрасль знанія предлагаемаго имъ нововведенія, естественно долженъ былъ стараться показать, что подобное же нововведеніе уже проникло или начало проникать въ сосѣднія науки. Связь между новыми науками возникла тѣмъ легче, что ихъ одушевлялъ одинъ и тотъ же духъ: духъ историческій, духъ сравненія формъ одного и того же учрежденія во времени и пространствѣ. Это-то именно навело на мысль, что всѣ частныя соціальныя науки должны найти свой синтезъ въ одной болѣе общей соціальной наукѣ, получившей отъ Огюста Конта имя, которое съ филологической точки зрѣнія, быть можетъ, и плохо составлено, но, разъ будучи принято, должно сохраняться и впредь: имя *соціологіи*.

Дѣйствительно, соціологія представляетъ собою не что иное, какъ синтезъ отдѣльныхъ соціальныхъ наукъ. Эта новая отрасль знанія характеризуется двумя чертами, на каждой изъ которыхъ нужно на минуту остановиться: своею научностью и своимъ синтетическимъ характеромъ.

Въ чемъ состоитъ научность, мы уже показали при разсмотрѣніи отдѣльныхъ соціальныхъ наукъ. Наука — это изслѣдованіе того, что было, и того, что есть, а не разысканіе того, что могло бы или должно бы было быть: вотъ чѣмъ отличается она отъ искусства. Наука дѣйствуетъ путемъ наблюденія, классификаціи и индукціи, а не посредствомъ положенія принципа и вывода изъ него заключеній: вотъ что отличаетъ ее какъ отъ искусства, такъ и отъ практики. Соціологія—общая наука въ обществѣ. Она изслѣдуетъ, какъ устроены общественныя формы и какъ выполняются общественныя функціи, а не какъ онѣ должны бы были быть устроены и выполняемы. Такимъ образомъ, она остается чуждой области искусства и области практики: послѣдней она чужда совершенно, первой—временно. Безъ сомнѣнія, то, что было, и то, что есть, бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на то, что должно бы было быть, и соціологъ не отказывается отъ надежды когда либо содѣйствовать своими изслѣдованіями человѣческаго развитія въ прошедшемъ предвидѣнію того, чѣмъ это развитіе можетъ быть въ будущемъ. Но это опасная почва, на которую въ настоящее время онъ не отваживается вступать. Прежде чѣмъ попытка подобнаго приложенія можетъ быть сдѣлана съ успѣхомъ, научное поле должно быть вспахано вполнѣ или, по крайней мѣрѣ, въ большей своей части. Но это поле огромно, и мы далеко еще не воздѣлали его; быть можетъ, мы даже не измѣрили въ точности его протяженія и не опредѣлили границъ. При такихъ условіяхъ, всѣ усилія соціолога должны въ настоящее время ограничиваться строго научной задачей. Время соціологическаго искусства наступитъ позже.

Изъ сказаннаго непосредственно слѣдуетъ, что развитіе соціологіи ничуть не угрожаетъ двумъ изъ трехъ вѣтвей права: юридическому искусству и юридической практикѣ. Соціологія ничѣмъ не можетъ повредить имъ, такъ какъ она дѣйствуетъ совершенно въ другой области: въ области науки. Для нихъ, такимъ образомъ, борьба, возникающая между соціологіей и частными соціальными науками, не можетъ имѣть вредныхъ послѣдствій, такъ какъ они не принимаютъ въ ней участія: это по отношенію къ нимъ „res inter alios acta, quae nocere non potest“.

Но имѣетъ ли соціологія притязаніе завладѣть областью юридической науки въ собственномъ смыслѣ этого слова? Мы не думаемъ. Въ самомъ дѣлѣ, юриспруденція разсматриваетъ общественныя явленія только съ одной стороны: со стороны правовой. Соціологія же изслѣдуетъ ихъ со всѣхъ сторонъ сразу. Она вполнѣ—и это вторая изъ ея существенныхъ чертъ—синтетическая наука. Самое это слово можетъ быть понимаемо въ двухъ различныхъ смыслахъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ соціологовъ и прежде всего Огюста Конта, соціологія должна быть наукой, обнимающей всю совокупность общественныхъ явленій. Она должна соединить въ себѣ и поглотить науки: экономическую, юридическую, моральную, политическую и др. Одинъ только фактъ ихъ сближенія имѣлъ бы своимъ послѣдствіемъ взаимное ихъ вліяніе другъ на друга и принудилъ бы, напр., юриста считаться съ экономической, моральной и политической сторонами изучаемыхъ имъ явленій, а экономиста заботиться о нравственномъ значеніи, законной силѣ и политической важности разсматриваемыхъ имъ учрежденій. Наконецъ, это взаимодѣйствіе соціальныхъ наукъ просто вытекало бы изъ ихъ принадлежности къ одной болѣе общей наукѣ.

Но большинство современныхъ соціологовъ не раздѣляетъ этого взгляда. По ихъ мнѣнію, соціологія вовсе не сумма отдѣльныхъ соціальныхъ наукъ. Она ихъ синтезъ въ томъ смыслѣ, что она заимствуетъ у нихъ самые общіе выводы, т. е. самые достовѣрные факты и наиболѣе общіе законы, съ цѣлью сдѣлать ихъ предметомъ своихъ собственныхъ построеній. Но всѣ подробности отдѣльныхъ явленій ускользаютъ отъ нея и остаются исключительнымъ достояніемъ этихъ спеціальныхъ наукъ. Послѣднимъ принадлежитъ все, что имѣетъ характеръ чистой учености, спеціальнаго техническаго анализа и детальнаго изслѣдованія; соціологіи-же—все, что касается сближенія различныхъ порядковъ явленій, изслѣдованныхъ порознь, все, что имѣетъ значеніе широкаго синтеза жизни какого-либо народа и высшаго закона историческаго развитія.

Если принять это второе воззрѣніе—а мы, съ своей стороны, склонны его принять,—то немедленно обнаружится, что правовѣдѣніе совершенно отлично отъ соціологіи. Правовѣдѣніе, подобно демографіи, филологіи, политической экономіи, подобно наукамъ нравственныхъ, религіозныхъ, эстетическихъ, умственныхъ и политическихъ явленій, остается изслѣдованіемъ одной только части, одной опредѣленной стороны общества, но изслѣдованіемъ самымъ полнымъ и подробнымъ, тогда какъ соціологія стремится воспроизвести разныя стороны различныхъ обществъ, но, разумѣется, въ очень общемъ видѣ и касаясь самыхъ выдающихся явленій. Соціологія строитъ верхушку зданія, для котораго отдѣльныя соціальныя науки воздвигаютъ стѣны. Ихъ роль, слѣдовательно, совершенно иная, и потому созданіе общей соціологіи нисколько не помѣшаетъ развитію науки права.

Но если бы даже понимать соціологію такъ, какъ Огюстъ Контъ, то и въ такомъ случаѣ правовѣдѣніе нисколько не пострадало бы отъ нея. Согласно этому воззрѣнію, соціологія является только совокупностью различныхъ частныхъ соціальныхъ наукъ. Юриспруденція, слѣдовательно, продолжала бы существовать, подобно экономической, политической и др.

наукамъ, въ качествѣ одной изъ отраслей соціологіи. Въ результатѣ, несомнѣнно, получилось-бы ослабленіе внѣшней независимости этихъ частныхъ наукъ. Вмѣсто того, чтобы называться юридической или экономической наукой, онѣ должны были-бы носить названіе юридической или экономической соціологіи. Но мы думаемъ, что юристы слишкомъ разсудительны для того, чтобы быть особенно щекотливыми въ вопросахъ терминологіи. Съ другой стороны, каждое изъ этихъ подраздѣленій общей соціологіи должно было-бы усваивать себѣ результаты, добытые въ сосѣднихъ отрасляхъ. Но развѣ это не происходитъ уже и въ настоящее время? Развѣ современные юристы, не только тѣ, которые разрабатываютъ науку права въ собственномъ смыслѣ, но и тѣ, которые серьезно занимаются юридическимъ искусствомъ—законодательнымъ, а зачастую даже простые практики, развѣ они не слѣдятъ за ходомъ идей въ сосѣднихъ къ юриспруденціи наукахъ? Развѣ они не стараются дѣлать оттуда заимствованія для своихъ собственныхъ изслѣдованій? Выходитъ, слѣдовательно, что въ этомъ отношеніи разсматриваемое нововведеніе не заключало-бы въ себѣ ничего революціоннаго. Впослѣдствіи, какъ и раньше, существовали-бы юристы, экономисты, моралисты. Они только принимали-бы иной разъ имя соціологовъ, въ чемъ не было бы большаго зла. Кромѣ того, они постоянно соединялись бы и совѣтовались, ссужая другъ другу и заимствуя одинъ у другаго знанія и идеи, что, безъ сомнѣнія, было бы большимъ благомъ.

Однимъ словомъ, представляетъ ли соціологія совокупность соціальныхъ наукъ, или же просто синтезъ ихъ наиболѣе общихъ выводовъ, во всякомъ случаѣ эти отдѣльныя науки сохраняютъ свое право на существованіе и свою полезность. Юристу-ученому, такъ же, какъ юристу-законодателю и юристу-практику, нечего бояться, что успѣхи общей соціологіи сдѣлаютъ ихъ труды безполезными. Соціологія вовсе не исключаетъ юриспруденціи. Мы пойдемъ еще дальше и покажемъ, что первая крайне нуждается во второй, а вторая взаимно находитъ драгоцѣнную опору въ первой.

IV.

Мѣсто, которое должны занимать юридическія изслѣдованія въ изысканіяхъ соціологіи, можно опредѣлить путемъ умозрительныхъ разсужденій, и мы сами это вскорѣ сдѣлаемъ. Но здѣсь, какъ и всюду, апріорные выводы должны быть подчиняемы даннымъ опыта. Вмѣсто того, чтобы логически установить существованіе связи, которое мы хотимъ доказать, постараемся обнаружить ее въ самихъ фактахъ. Сдѣлать это, впрочемъ, вовсе не такъ трудно. Можно замѣтить, что тамъ, гдѣ успѣхи соціологіи были наиболѣе быстры и надежны, она опиралась на исторію права и на сравнительное правовѣдѣніе. И въ самомъ дѣлѣ, на какія общества новая наука пролила наиболѣе яркій свѣтъ? На общества древнія. Этотъ фактъ кажется парадоксальнымъ. И однако онъ вѣренъ и даже легко объяснимъ. Есть двѣ коренныя причины, позволяющія изслѣдователю проникать съ большей легкостью въ древнія общества, чѣмъ въ новѣйшія и въ особенности въ

современныя: причины объективная и субъективная. Субъективно историкъ, изучая древнія общества, нисколько не стѣсненъ интересами и страстями, которые мы всегда вносимъ, преимущественно даже безъ нашего вѣдома, въ изслѣдованіе окружающихъ насъ явленій; по крайней мѣрѣ, если онъ и подчиненъ вліянію своего положенія и своихъ прежнихъ идей, то нужно согласиться, что это вліяніе естественно отзывается на немъ слабѣе, чѣмъ на историкѣ современныхъ явленій. Но въ особенности объективно древнія общества представляютъ собой предметъ, менѣе трудный для изученія, чѣмъ общества новѣйшія, такъ какъ они не столь сложны. Размноженіе числа чиновъ каждаго государства, накопленіе открытій, опыта и идей, крайнее развитіе внутреннихъ и международныхъ отношеній создали въ наши дни путаницу общественныхъ связей, неизвѣстную нашимъ предкамъ. Индивидуальная человѣческая природа утратила свою первобытную простоту, а соціальная, если такъ можно выразиться (я подразумѣваю подъ этимъ сущность общества и государства), все болѣе обогащалась, но вмѣстѣ съ тѣмъ и усложнялась. Предметъ, подлежащій изученію, становится такимъ образомъ все труднѣе по мѣрѣ того, какъ приближаешься къ нашимъ временамъ, и въ то же время умъ изслѣдователя невольно становится все менѣе безпристрастнымъ. Отсюда-то и происходитъ, что древнія общества намъ извѣстны гораздо съ большей достовѣрностью, чѣмъ нынѣшнія.

Но на что опиралась соціологія, проникая въ древнія общества? Прежде всего, на слѣды, оставшіеся отъ ихъ юридическихъ учрежденій. Первой научной теоріей, старавшейся объяснить явленія античной жизни, была теорія патріархата. Что же лежало въ ея основѣ? Знаніе римской patria potestas. Эту отцовскую власть нашли у всѣхъ арійскихъ народовъ въ началѣ ихъ существованія. Фюстель де-Куланжъ показалъ, что она была такою же въ Греціи, какъ и въ Италіи, и встрѣтилъ ее въ древней Индіи. Сомнеръ Мэнъ, дополнивъ его въ этомъ послѣднемъ пунктѣ, открылъ ее въ другомъ концѣ арійскаго міра, въ Ирландіи, сблизилъ ирландскія учрежденія съ древне-кельтскими и германскими. Семейныя и территоріальныя общины были открыты въ одно и то же время у южныхъ славянъ и у русскихъ. Труды Максима Ковалевскаго обнаружили, что тѣ же семейныя формы существуютъ до сихъ поръ и въ нѣдрахъ кавказскаго населенія. Съ другой стороны, подобныя же явленія встрѣтились и внѣ арійской цивилизаціи. Патріархальные роды евреевъ и арабовъ, египетскія и китайскія семьи были приведены въ доказательство общности этой соціальной формы у первобытнаго человѣчества. Къ понятію объ отношеніяхъ лицъ, обнимаемому терминомъ «патріархатъ», присоединился рядъ другихъ понятій права имущественнаго (общая семейная собственность), уголовнаго (совокупная отвѣтственность родственниковъ), государственнаго (образованіе государства и возникновеніе національнаго правосудія). Это была цѣлая система идей, которая теперь еще обладаетъ такою жизненностью, что постоянно вызываетъ изслѣдованія и подвергается усовершенствованію въ подробностяхъ, и отъ которой, навѣрное, многое останется въ наукѣ.

Но вотъ черезъ нѣсколько времени возникъ вопросъ, была-ли, въ самомъ дѣлѣ, патріархальная семья самымъ древнимъ видомъ группировки людей? Одинъ ученый, Бахофенъ, пришелъ къ мысли, что въ массѣ древнихъ текстовъ онъ отыскалъ слѣдъ болѣе ранняго порядка. По его мнѣнію, вначалѣ главою семьи была мать, а не отецъ. Когда многоженство и многомужество одновременно практиковались, связи между отцомъ и дѣтьми почти не существовало. Отпрыски группировались вокругъ матери, и она служила какъ источникомъ родства, такъ и хранительницей семейной власти. Бахофенъ открылъ указанія на такую организацію въ юридическихъ, литературныхъ и эпиграфическихъ текстахъ арійскихъ и семитическихъ народовъ, а также на соотвѣтственныя учрежденія у народовъ, называемыхъ (впрочемъ, неправильно) туранскими, и многіе путешественники признали существованіе чего-то подобнаго у туземныхъ племенъ Африки и Австраліи. Изъ всего этого возникла теорія матріархальной семьи. Шотландецъ Макъ-Леннанъ присовокупилъ сюда свои мысли объ обязательномъ дѣтоубійствѣ, экзогаліи и бракахъ при посредствѣ похищенія. Американецъ Л. Морганъ, старательно прослѣдивъ устройство матріархата у индѣйцевъ Сѣверной Америки, указалъ, какимъ образомъ изъ него могъ возникнуть патріархатъ. Правда, новая теорія, чтобы быть принятой въ науку, должна была оставить парадоксальную идею, выражаемую словомъ «матріархатъ». Хотя въ материнской связи продолжали видѣть происхожденіе семьи, но было признано, что съ самаго начала власть принадлежала мужчинѣ,— разумѣется, не отцу, но въ самыхъ древнихъ цивилизаціяхъ—брату матери. Такимъ образомъ, сведенная къ генеалогической идеѣ, къ воззрѣнію на первобытную систему родства, эта теорія заслуживала принятія. Однако, новѣйшія изслѣдованія пошли дальше нея. Открытія, сдѣланныя въ Африкѣ, Америкѣ и Австраліи, именно открытія Физона и Говитта, поставили насъ лицомъ къ лицу съ группами родичей, гораздо болѣе обширными, чѣмъ семья въ собственномъ смыслѣ слова, съ группами, не столько основывающимися на дѣйствительномъ родствѣ, сколько на юридической возможности или невозможности союза между ихъ членами, и названными, нѣсколько на-обумъ, кланами. Безъ сомнѣнія, это тоже не первый типъ соціальной группировки. Но его открытіе доказываетъ или, скорѣе, можетъ служить однимъ лишнимъ доказательствомъ въ подтвержденіе той идеи, что не слѣдуетъ стараться свести къ одной единственной формѣ всѣ древнія соціальныя группы. Въ самомъ началѣ человѣческіе аггрегаты были безъ сомнѣнія очень разнообразны. Постоянные и непостоянные союзы должны были существовать въ одно и то же время; единоженство, быть можетъ, такъ же древне, какъ и многоженство. Родство съ материнской и родство съ отцовской стороны были, вѣроятно, оба извѣстны съ самаго начала. Даже искусственное родство, путемъ усыновленія или договорнаго братства, могло быть современно имъ. Семейная власть должна была принадлежать въ одномъ мѣстѣ самому сильному, въ другомъ—самому старшему, въ третьемъ—самому способному. Словомъ, разнообразіе учрежденій, вѣроятно, представляетъ собой исконное явленіе. Сходныя учрежденія существовали тоже съ самаго начала, благодаря тому, что нѣкоторая тожде-

ственность всюду свойственна человѣческой природѣ, и впослѣдствіи развились, благодаря въ особенности подражанію. Но изъ-за этого сходства мы не должны упускать изъ виду того, что было новаго и оригинальнаго въ устройствѣ каждой социальной группы.

Таковы, вкратцѣ, воззрѣнія соціологіи на древнее человѣчество. Едва-ли нужно доказывать, что въ основѣ всѣхъ этихъ системъ лежатъ юридическія понятія. Патріархатъ и матріархатъ являются по существу юридическими институтами, все равно, изслѣдуется ли въ нихъ преимущественно семейная власть или обращается больше вниманія на способъ исчисленія родства и зависящія отъ него наслѣдственныя права. И въ томъ и въ другомъ случаѣ фактъ рожденія принимается въ разсчетъ лишь наполовину, такъ какъ дитя связывается только съ однимъ изъ своихъ родителей. Болѣе того, система родства по кланамъ основывается на юридической идеѣ, изъ которой кровныя связи почти совершенно исключены. Безъ сомнѣнія, каждой изъ этихъ юридическихъ организацій соотвѣтствуетъ особая религіозная организація («Древнее общество» Фюстель де-Куланжа доказало это), особая система нравственныхъ идей, особый политическій строй (такъ какъ только семейная власть признавалась въ то время), наконецъ, особый рядъ экономическихъ учрежденій. Здѣсь можетъ возникнуть вопросъ, не экономическія ли нужды положили начало различнымъ только что перечисленнымъ нами формамъ семьи, и не зависятъ ли отъ степени богатства населенія семейныя связи и формы правленія. Мы очень склонны отвѣтить на эти вопросы утвердительно. Но каковъ бы ни былъ въ исторической дѣйствительности порядокъ зависимости юридическихъ учрежденій и другихъ соціальныхъ явленій, одно остается неопровержимымъ, а именно, что изслѣдованіе юридическихъ учрежденій привело къ изученію другихъ категорій фактовъ, представляемыхъ античными обществами, и что первыя были рамкой, въ которую помѣстились вторыя. Не достаточно ли этого, чтобы мы имѣли право заключить, что безъ сравнительной исторіи законодательствъ соціологія не могла бы достигнуть тѣхъ результатовъ, которые она теперь съ такой увѣренностью формулируетъ.

V.

Легко, впрочемъ, понять преимущество, которымъ юридическія учрежденія отличаются отъ всѣхъ другихъ, и благодаря которому соціологія разсматриваетъ ихъ раньше другихъ. Это преимущество заключается въ ихъ точности, а послѣднею они обязаны тому, что закрѣплены въ законодательныхъ текстахъ, или, по крайней мѣрѣ, въ стойкихъ юридическихъ обычаяхъ и традиціяхъ. Ко всѣмъ остальнымъ учрежденіямъ нужно пробираться сквозь всякаго рода памятники, оставленные намъ народомъ, который мы изучаемъ, нужно съ трудомъ выдѣлять ихъ изъ всей его цивилизаціи. Между тѣмъ достаточно обладать собраніемъ законовъ и обычаевъ какого-либо народа, чтобы уразумѣть его юридическія учрежденія и оцѣнить ихъ значеніе при помощи сравненія съ другими однородными законодательствами. Безъ сомнѣнія, мы тогда только сможемъ вполнѣ по-

нять тексты, когда другимъ путемъ узнаемъ, какова была матеріальная и нравственная жизнь націи, къ которой они примѣнялись. Въ общественной жизни все связано между собой, и для полнаго пониманія одной стороны общества нужно изучить его цѣликомъ. Но все-таки ясно, что нѣкоторыя изъ общественныхъ учрежденій могутъ быть изучаемы съ большею легкостью и потому должны быть изучаемы раньше другихъ: такой характеръ имѣютъ тѣ, которыя подчинены правиламъ, принятымъ всѣмъ обществомъ, правиламъ, наиболѣе яснымъ и, при всей своей общности, достаточно точнымъ, правиламъ, занесеннымъ въ памятники, подлинность которыхъ сравнительно легко провѣрить. Всѣ эти черты свойственны юридическимъ учрежденіямъ и составляютъ въ глазахъ соціолога ихъ преимущество. Это приводитъ насъ къ болѣе правильному пониманію юридическихъ учрежденій.

Какъ было сказано, они характеризуются тѣмъ, что опредѣлены законами или неизмѣнными обычаями. Они не являются результатомъ произвольной дѣятельности гражданъ. Эта дѣятельность въ отношеніи къ нимъ заключена въ извѣстныя границы, проводимыя обычаемъ и закономъ. Общество ставитъ здѣсь предѣлы личной иниціативѣ; оно придаетъ продуктамъ частной дѣятельности общую форму. Таково свойство и, по нашему мнѣнію, специфическое свойство, отличающее юридическія учрежденія отъ всѣхъ остальныхъ. Какъ видно, оно заключается въ извѣстной формѣ, которую соціальныя правила налагаютъ на дѣйствія частныхъ лицъ. Эти правила могутъ распространяться на всѣ области общественной жизни. Право не имѣетъ своего собственнаго предмета, или, вѣрнѣе, его предметъ безконечно растяжимъ. Оно управляетъ всѣми соціальными явленіями какъ жизни духовной, такъ и жизни матеріальной, относительно которыхъ общество согласилось установить извѣстныя правила для своихъ членовъ. Наоборотъ, нѣтъ, быть можетъ, ни одного разряда дѣйствій, который не могъ бы быть мысленно предоставленъ свободной иниціативѣ частныхъ лицъ, т. е. выключенъ изъ области права. Интересно было бы прослѣдить эволюцію, выразившуюся въ томъ, что одни явленія вошли въ область законодательства, а другія вышли изъ нея. Но, повидимому, тутъ нельзя вывести общаго правила. Нѣкоторые разряды явленій избавились, по крайней мѣрѣ, въ нашей странѣ отъ господства юридическихъ нормъ, какъ напр., религія со времени признанія свободы совѣсти; другія за то подчинились ему: между прочимъ, эстетическія произведенія съ той поры, какъ законодательство санкціонировало литературную собственность. Иныя учрежденія подпали подъ власть законодательства, затѣмъ освободились отъ нея, потомъ опять подчинились: такъ было съ организаціей промышленности, регламентированной при старомъ порядкѣ, освобожденной революціей, а теперь вновь подвергнутой регламентаціи. Трудно, поэтому, открыть синтетическій законъ всей этой эволюціи. Достовѣрнымъ представляется намъ только одно: что здѣсь, какъ и всюду, одинаково слѣдуетъ избѣгать противоположныхъ крайностей. Регламентировать *все* путемъ закона или обычая — значило бы подавить индивидуальную жизнь и остановить ея развитіе. Ничего не регламентировать — значило бы предоставить индиви-

довъ произволу и насилію и быстро разрушить общественную жизнь. Необходимо, чтобы всюду и всегда одна сторона подчинялась соціальной правильности въ формѣ законовъ или унаслѣдованныхъ обычаевъ, а другая часть была предоставлена индивидуальной оригинальности въ видѣ свободной инициативы самихъ гражданъ. Границу между этими двумя элементами нельзя установить разъ навсегда: она измѣняется, смотря по обществамъ, ихъ частнымъ потребностямъ и особымъ условіямъ, въ которыхъ они живутъ.

Теперь мы опредѣлили, въ чемъ состоитъ сущность юридическихъ учрежденій. Мы знаемъ, что ее слѣдуетъ искать не въ ихъ предметѣ, который безпрестанно мѣняется, а въ ихъ формѣ (обычая и закона). Это намъ позволяетъ уяснить себѣ мѣсто, занимаемое правовѣдѣніемъ въ раціональной классификаціи соціальныхъ наукъ.

Соціальныя науки должны быть распредѣляемы на группы сообразно съ тѣми явленіями, которыя онѣ изучаютъ. Но явленія общественной жизни, это—тѣ же явленія индивидуальной жизни, только разсматриваемыя съ другой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія дѣйствія и взаимодѣйствія индивидовъ, а не дѣйствія и взаимодѣйствія клѣточекъ одного отдѣльнаго существа. Въ индивидуальной жизни біологъ различаетъ три порядка отправленій: отправленія питанія, воспроизведенія и отношенія. Всѣ они наблюдаются и въ общественной жизни. Отправленіямъ питанія соотвѣтствуютъ экономическія явленія. Отправленіямъ воспроизведенія — явленія, относящіяся къ браку и къ семьѣ. Отправленіямъ отношенія,—нравственныя и религіозныя, эстетическія и умственныя, а также политическія явленія. Мы не упоминаемъ о юридическихъ явленіяхъ, въ собственномъ смыслѣ, по той причинѣ, что они представляютъ собой только формы, которыя законъ или обычай придаетъ различнымъ группамъ перечисленныхъ явленій: экономическимъ, семейнымъ, нравственнымъ, религіознымъ, умственнымъ и политическимъ. Очевидно, наука о юридическихъ явленіяхъ не можетъ быть логически поставлена на ряду съ наукой объ экономическихъ явленіяхъ или же явленіяхъ религіозныхъ и политическихъ. Это, разумѣется, не значитъ, что она стоитъ ниже ихъ. Это значитъ только, что она другаго порядка. Науки перваго порядка характеризуются своимъ предметомъ, она же опредѣляется формой, придаваемой правомъ явленіямъ, къ которымъ оно примѣняется.

Но нѣтъ-ли другихъ наукъ, которыя бы тоже изучали общественныя явленія сквозь извѣстную особенную форму, въ которую они облечены? Безъ сомнѣнія, есть: статистика, напр., изслѣдуетъ явленія сквозь призму чиселъ, въ которыхъ они обобщаются. Филологія, если смотрѣть на нее съ соціальной, а не біологической точки зрѣнія, изучаетъ учрежденія чрезъ посредство словъ, въ которыхъ они выражаются. Археологія, въ свою очередь, разсматриваетъ ихъ сквозь памятники, въ которыхъ они изображены; эпиграфія, палеографія и нумизматика разгадываютъ ихъ при посредствѣ сохранившихся надписей, манускриптовъ и медалей. Все это — законы и обычаи, цифры, слова, памятники искусства и литературы,—свидѣтели древнихъ или новѣйшихъ цивилизацій и свидѣтели без-

мѣрно драгоцѣнные. Благодаря ихъ показаніямъ, мы можемъ возстановить событія, память о которыхъ они сохранили. Такимъ образомъ, изученіе ихъ необходимо для соціологовъ, потому-что оно и только оно даетъ возможность воспроизвести то или другое общество во всей полнотѣ его матеріальной и умственной жизни.

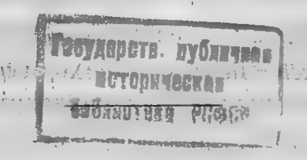
Слѣдовательно, соціальныя науки дѣлятся на два разряда: на науки, изучающія источники, каковы правовѣдѣніе, статистика, филологія, археологія и др., и на науки, воспроизводящія на основаніи добытыхъ первыми науками результатовъ общественное строеніе, каковы исторія экономическихъ, семейныхъ, нравственныхъ, религіозныхъ, эстетическихъ, умственныхъ и политическихъ явленій. Слѣдуетъ-ли, какъ было предлагаемо, сохранить за этими послѣдними названіе наукъ, а въ первыхъ видѣть только техническіе пріемы, методы изслѣдованія? Это вопросъ сравнительно второстепенный. Существенно важно только понять, что безъ этихъ методовъ изслѣдованія были бы невозможны указанныя науки, и что, слѣдовательно, соціологія должна начинать съ первыхъ, если не можетъ ограничиться вторыми. По правдѣ говоря, если при изученіи законовъ и юридическихъ обычаевъ употребляются пріемы науки, наблюденіе, классификація, индукція со всей присущей имъ строгостью, то развѣ это не научное занятіе? Но слѣдуетъ-ли удержать за нимъ имя науки права или же дать ему просто названіе соціальнаго изученія юридическихъ источниковъ, въ томъ и другомъ случаѣ нужно будетъ признать, что это процессъ первостепенной важности и одинъ изъ наиболѣе плодотворныхъ въ дѣлѣ соціологическаго изслѣдованія.

VI.

Предшествующія замѣчанія выяснили, чѣмъ соціологъ обязанъ юристу. Но мнѣ кажется, что они въ то же время указываютъ, чего юристъ можетъ ждать отъ соціолога. Если право представляетъ, какъ мы показали, только принудительную форму, въ которую облекаются различныя общественныя явленія, и въ которую въ одинъ прекрасный моментъ всѣ они могутъ облечься, то изъ этого очевидно слѣдуетъ, что юриспруденція не въ состояніи довольствоваться сама собой. Въ самомъ дѣлѣ, форма не можетъ быть понята отдѣльно отъ содержанія, которое въ нее облечено. Чтобы проникнуть въ смыслъ юридическихъ учрежденій, нужно подняться до политическихъ и нравственныхъ побужденій, которыя создали ихъ. Нужно посмотрѣть, чѣмъ бы были подъ вліяніемъ индивидуальныхъ чувствъ экономическія, семейныя, нравственныя и политическія явленія, для того, чтобы понять, чѣмъ они стали подъ дѣйствіемъ соціальныхъ и юридическихъ учрежденій. Такимъ образомъ, знаніе экономическихъ, нравственныхъ и политическихъ наукъ необходимо для полнаго объясненія текстовъ и обычаевъ, изучаемыхъ юриспруденціей. Значитъ-ли это, что юристъ долженъ съ такою же полнотой изучать эти науки, какъ и тѣ, которыя избираетъ своей спеціальностью? Никто не станетъ этого требовать. Но нужно, чтобы онъ имѣлъ, по крайней мѣрѣ, общее о нихъ по-

нятіе. Гдѣ же можетъ онъ его пріобрѣсть? Въ трудахъ-ли именно соціологовъ, разъ соціологія есть синтезъ наиболѣе общихъ выводовъ отдѣльныхъ спеціальныхъ наукъ? Такимъ образомъ, соціологія необходима юристу, какъ условіе хорошаго отправленія его собственной профессіи. Это очевидно по отношенію къ юристу-ученому, который не можетъ притязать на знаніе духа какого-либо законодательства, не имѣя понятія объ общемъ духѣ примѣняющаго его народа. Но это не менѣе справедливо и по отношенію къ юристу-законодателю, который долженъ имѣть понятіе о совокупности учрежденій, существующихъ у его согражданъ, чтобы успѣшно вліять на нихъ. Это, быть можетъ, вѣрно также по отношенію къ юристу-практику, который въ состояніи проникнуть въ тайныя побужденія, скрытыя подъ оболочкой тѣхъ дѣлъ, которыхъ судьей или адвокатомъ онъ является, только путемъ серьезнаго изученія общественной среды, гдѣ эти дѣла возникаютъ. Итакъ, разъ юридическая организація народа зависитъ отъ его общественной организаціи, то можно сказать, что все правовѣдѣніе, всѣ вѣтви его: наука, искусство и практика, дѣйствительно доступно только человѣку, усвоившему основные принципы остальныхъ наукъ, до сихъ поръ называвшихся чаще всего моральными и политическими, а теперь болѣе точно именуемыхъ соціальными, т. е. человѣку, который является (все равно, знаетъ-ли онъ это или нѣтъ, заявляетъ-ли объ этомъ, признаетъ или отрицаетъ) въ извѣстной степени соціологомъ.

Это положеніе, чрезвычайно увеличивая число соціологовъ, можетъ показаться парадоксальнымъ. Но стоитъ свести его къ истиннымъ размѣрамъ, чтобы тотчасъ же усмотрѣть его точность и, я прибавлю даже, почти очевидность. Въ этомъ положеніи, въ концѣ концовъ, заключается только признаніе внутренней связи, которая существуетъ между законодательствомъ и обусловливающими его соціальными потребностями и въ настоящее время ни въ комъ не возбуждаетъ сомнѣнія. Мы требуемъ только, чтобы соціальныя науки, не замыкаясь въ полнѣйшее уединеніе, къ чему онѣ нѣкогда имѣли склонность, соединились, согласовались и взаимно пополняли другъ друга. Въ наукѣ, какъ и въ нравственности, прогрессъ возможенъ только при общемъ добромъ согласіи. Къ этому-то согласію побуждаетъ соціологія всѣхъ тѣхъ, кто занимается научнымъ изслѣдованіемъ того или иного отдѣла человѣческихъ учрежденій. Она уже имѣетъ много приверженцевъ этой программы и, притомъ, весьма выдающихся. Она думаетъ, что, навѣрное, встрѣтитъ еще многихъ, въ частности среди юристовъ, такъ какъ наука, разрабатываемая ими, принадлежитъ къ тѣмъ, которымъ наиболѣе трудно обойтись безъ помощи сосѣднихъ наукъ.

Уставъ о пошлинахъ, съ доп. и разъясн. Его-же. Изд. 2. 1900. 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.
Урочное положеніе для строительныхъ работъ. 1900. 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.
Правила содержанія и охраненія жел. дор. 96. 40 к.
Правила движенія по жел. дорогамъ, съ дополн. и разъясн. по Іюль 97 г. 40 к.
Правила содержанія и употребленія подвижнаго состава на паровозн. жел. дорогахъ, съ измѣненіями по 1 Іюля 97 г. и съ инструкціею о паровыхъ котлахъ 97. 30 к
Правила технич. эксплоатаціи жел. дорогъ, открытыхъ для обществ. надобности (утв. 8 Февр. 98 г.). 40 к., въ пер. 60 к.
Руководство по технич. части службы движенія (для подготовленія на должн. пом. нач. станцій и запасн. агентовъ). *Н. Палибина.* 98. 40 к., въ пер. 60 к.
Инструкція по составленію городск. смѣтъ и новыя формы этихъ смѣтъ. 98. 30 к.
Инструкція по составленію земск. смѣтъ и новыя формы этихъ смѣтъ. 98. 30 к.
Общій алф. указатель къ собр. узаконеній за 80—92 г. *Н. Дамье* 2 р., въ пер. 2 р. 50 к. Дополненіе къ нему за 93—по 1 Янв. 1900 г. 1 р.
Правила объ устройствѣ суд. части, о произв. суд. дѣлъ, гдѣ земск. нач. и врем. правила о волостномъ судѣ. *С. Чагина.* Изд. 2. 97. 2 р., въ пер. 2 р. 50 к.
Судопроизводство гражданское и уголовное въ судебно-админ. учрежденіяхъ. Объясненія къ правиламъ 1889 г. о произв. суд. дѣлъ, основанныя на теоріи и практикѣ гражд. и угол. судопр. *Г. Вербловскаго.* Изд. 2. 98. 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.
Настольная книга для земск. начальниковъ, гор. судей, у. членовъ и вол. судовъ. Сост. *А. Альмединіенъ.* Изд. 4. 95 г. 2 р., въ пер. 2 р. 50 к.
О крестьянскихъ сервитутахъ въ губ. Западн., Прибалт. и Ц. Польскаго. Сборникъ узак. расп. и рѣш. Общ. Собр. Сената. *К. Абрамовича.* 95 г., 1 р. 60 к., въ пер. 2 р.
Волостн. судъ и юридич. обычаи крестьянъ. *А. Леонтьева.* 95 г. 1 р., въ пер. 1 р. 30 к.
Руководство для волостныхъ писарей. *П. Новикова.* 96. 2 р. 50 к. въ пер. 3 р.
Уставъ крест. позем. банка, съ доп. и образцами бумагъ. 96. 40 к., въ пер, 60 к.
Учрежденіе суд. установленій, съ разъясн., правилами счетоводства, внутр. распорядка, формен. одежды и пр. *С. Громачевскаго.* 97. 3 р., въ пер. 3 р. 50 к.
Охранит. судопроизводство. Практич. пособіе. Его-же. 96. 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.
Ограничительные законы по землевладѣнію въ Зап. краѣ, съ мотивами и разъясн. Его-же. 92 г. 30 к.
Новый законъ объ исполненіи окончательныхъ суд. рѣшеній. 94 г. 25 к.
Новыя правила о порядкѣ принятія и направленія прошеній и жалобъ, на Высоч. Имя приносимыхъ, съ образцами прошеній и жалобъ. 96 г. 25 к.
Положеніе о видахъ на жительство, съ мотивами и разъясн. 99 г. 50 к.
Новыя правила объ охотѣ. 95 г. 25 к.
Новыя правила о Высоч. наградахъ. 99. 30 к., въ пер. 50 к.
Уставъ лечебн. заведеній М. Вн. Д., съ инструкціею. 95. 50 к., въ пер. 75 к.
Справочная книга для полиц. урядниковъ и сельск. полиціи, съ инстр., цирк. и образцами протоколовъ и донесеній. *В. Мордвинова.* Изд. 2, 98 г. 1 р., въ пер. 1 р. 30 к.
Общій Уставъ Счетный, съ разъясн. *М. Палибина.* Изд. 3. 1900. 1 р., въ пер. 1 р. 30 к.
Положеніе о госуд. квартирн. налогѣ, съ инструкціею. 94 г. 30 к.
Систематич. и алфав. указатели къ своду закон. *М. Палибина.* 94. 60 к., въ пер. 80 к.
Алфавитъ полиц. законовъ. *М. Доброленскаго.* 94 г. 2 р. 50 к, въ пер. 3 р.
О пошлинахъ съ имуществъ, перех. безмездн. способами, крѣпостныхъ, канцел. актовыхъ и судебныхъ, съ цирк. и разъясн. *П. Серапина.* 94 г. 75 к., въ пер. 1 р.
Сборникъ законовъ, распоряженій и разъясненій о бракѣ и разводѣ. Сост. *В. Н. Мордвиновъ.* 95 г. 1 р. 50 к., въ пер. 1 р. 80 к.
Справочная книга для суд. слѣдователей и кандидатовъ на суд. должн. Сост. суд. слѣд. *Н. Ильинъ.* 95 г. 1 р. 20 к., въ пер. 1 р. 50 к.
Руководство къ примѣненію Волостн. Судами Устава о наказ., налаг. Миров. Судьями, съ разъясн. *С. Лихтенштадта* и *П. Путилова.* 93 г. 80 к., въ пер. 1 р.
Руководство для мировыхъ судей *Н. Неклюдова.* Т. І. Уставъ Угол. Судопр., 72 г. 4 р. Т. II. Уставы о наказаніяхъ, 74. 4 р. 50 к., оба тома въ перепл. 10 р.
Очерки польской ипотеки. Практич. руководство въ 2 частяхъ. Сост. кн. *В. А. Волконскій.* (Печатано по распор. Мин. Юст.). 91 г. 3 р.
Сводъ разъясненій Гражд. Кассац. Департамента по вопросамъ гражд. права губ. Ц. Польскаго. Сост. баронъ *А. Нолькенъ.* 91 г. 1 р. 50 к.
Законъ 2 іюня 1897 г. о нормировкѣ рабоч. времени съ утвержденными Мин. Фин. правилами, инструкціею и дополнит. циркулярами фабр. инспекціи. 98 г. 30 к.
Уставъ о промышленности (т. XI, ч. 2) фабричной, заводск., ремесл. и уст. пробирный, съ узакон., обнародов. по 1 іюля 99 г., законод. мотивами, рѣш. Сената и цирк. Мин. Вн. Дѣлъ и Фин. *М. Шрамченко.* 99. 2 р., въ пер. 2 р. 50 к.
Законы и правила о паровыхъ котлахъ и о сборѣ съ котловъ. *А. Кобеляцкаго.* Изд. 2. 1898. 50 к., въ пер. 80 к.

Крестьянское мірское хозяйство. Мірск. капиталы, продов. запасы, ден. сборы и взысканія. Сост. *М. Скибинскій.* Изд. 2. 95. 1 р. 70 к., въ пер. 2 р.
Промышленная собственность (Узаконенія о фабр. и торгов. маркахъ и клеймахъ, привилегіяхъ и пр.). Сост. *А. Кобеляцкій.* 96. 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.
Справочная книга для фабр. инспекціи. Его-же. Изд. 5. 98. 2 р., въ пер. 2 р. 50 к.
Наказъ чинамъ фабричной инспекціи. Его-же. 95 г. 50 к.
Сберегат. кассы при фабрикахъ заводахъ и др. предпріятіяхъ. 98. 25 к.
Правила и формы смѣтнаго, кассов. и ревиз. порядка, съ доп. и цирк. Мин. Фин. и Гос. Контроля. Сост. *В. Саковичъ* и *Н. Широковъ.* Изд. 2. 98 г. 4 р., въ пер., 4 р. 60 к.
Положеніе о Гос. промысловомъ налогѣ, съ инстр. и дополн. Изд. 2. 1900. 1 р.
Положеніе о казен. продажѣ питей, съ доп. и Уставомъ попеч. о народной трезвости. Сост. *Н. Алексѣевъ.* 96 г. 1 р., въ пер. 1 р. 25 к.
Уставъ о пит. сборѣ и полож. и тракт. промыслѣ, съ доп. сост. *Б. Гладковъ.* Изд. 2. 96. 1 р., въ пер. 1 р. 50 к.
Уставъ лѣсной съ дополн., цирк. и разъясн. Сената. Сост., по поруч. Сенатора А. Ѳ. Кони, *М. А. Цейль.* Изд. 2. 98. 4 р., въ пер. 4 р. 60 к.
Полный сводъ акцизн. нарушеній, съ разъясн. и доп. *А. Евреинова.* 96. 2 р. въ пер. 2 р. 50 к.
Уставъ Военно-Судеб., съ разъясн. *Н. Мартынова.* Изд. 7. 99. 3 р. 50 к., въ пер. 4 р.
Уставъ Дисциплинарный, съ разъясн. Его-же. Изд. 2. 99 г. 50 к., въ пер. 75 к.
Воинскій Уставъ о наказ., съ разъясн. *А. Анисимова.* Изд. 7. 98 г. 3 р., въ пер. 3 р. 50 к.
Положеніе объ эмерит. кассѣ военно-сухопутн. вѣдомства. 96 г. 40 к.
Уставъ о воинской повинности, съ рѣш. Сената, цирк. Мин. Вн. Дѣлъ и Гл. Штаба, правилами объ учетѣ, призывѣ и о конской повинности. *А. Анисимова.* 99. 2 р., въ пер. 2 р. 50 к.
Руководство для учета нижнихъ чиновъ запаса арміи и флота. 99. 50 к.
Руководство для призыва нижн. чин. запаса арміи и флота. 99. 30 к.

Б) Теоретическія изданія: курсы, изслѣдованія и проч.

Ірингъ и Виндшейдъ. Сравнит. характеристика. Проф. *Экка.* Пер. съ нѣм. 1900. 30 к.
Соціологія и правовѣдѣніе. *Р. Вормса.* Пер. съ франц. 1900. 30 к.
Медицинская экспертиза въ гражд. судѣ. Д-ра *Моуе.* Пер. съ франц. 1900. 50 к.
Борьба за право. Соч. Р. Іеринга. Перев. подъ ред. проф. *М. Свѣшникова.* 95, 60 к.
Адвокатъ противъ адвокатуры. Соч. *В. Ильинскаго.* 94. 30 к.
Учебникъ гражд. права. *Е. Васьковскаго.* Вып. 1: введеніе и общая часть. 94. В. 2: вещное право. 96. По 1 р. 25 к., въ пер. по 1 р. 50 к.
Организація адвокатуры. Его-же. 93. 3 р. 50 к., въ пер. 4 р.
Будущее русской адвокатуры. Его-же. 93. 30 к.
Основные вопросы адвокат. этики. Его-же. 95. 50 к., въ пер. 75 к.
Теорія владѣнія Іеринга, пер. *Е. Васьковскаго.* 95. 50 к., въ пер. 75 к.
Французская философія I-й половины XIX в., соч. Тэна, пер. подъ ред. *Е. Васьковскаго.* 96. 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.
Пропорціональные выборы. Соч. проф. *Н. М. Коркунова.* 96. 60 к.
Сборникъ статей, его-же, за время 1877—97 гг. Общіе вопросы права, исторія права, госуд. право, междунар. право. 98. 3 р. въ пер. 3 р. 50 к.
Лекціи по общей теоріи права. Его-же. Изд. 5. 98. 2 р., въ пер. 2 р. 50 к.
Указъ и законъ. Изслѣдованіе. Его-же. 94. 2 р. 50 к., въ пер. 3 р.
Повторит. курсъ полиц. права (сост. по Андреевскому, Антоновичу, Бунге, Ведрову, Тарасову и др.), *М. Палибина,* изд. 2, 1900. 1 р. 50 к., въ пер. 1 р. 80 к.
Повторит. курсъ по гражд. праву, примѣнит. къ программѣ Юрид. Ком. по курсамъ Дювернуа, Мейера, Побѣдоносцева и др. Изд. 2. 93. 1 р. 50 к.
Земельный кредитъ и оскудѣніе. Соч. *В. Быстренина.* 95 г. 25 к.
Изъ воспоминаній суд. слѣдов., разсказъ *В. Волжина* 92 г. 50 к.
Самовольное пользованіе чужимъ имуществомъ. *Г. Носовича.* 93 г. 75 к, въ пер. 1 р.
О клептоманіи, *Н. Плискаго.* Изд. 2. 93 г. 50 к., въ пер. 70 к.
Новѣйшіе успѣхи науки о преступникѣ, соч. *Ломброзо.* 92 г. 1 р., въ пер. 1 р. 25 к.
Устраняется-ли изъ угол. процесса, въ случаѣ оправдат. приговора, гражд. искъ по дѣламъ общихъ суд. мѣстъ? *А. Скобельцына.* 92 г. 50 к.
Новыя доктрины угол. права. Проф. *Ад. Принса.* 97 г. 30 к.
Юридич. положеніе крестьянъ. Изслѣд. *Н. Дружинина.* 97. 2 р., въ пер. 2 р. 50 к.
Обычай и законъ, соч. проф. *Эртмана.* Перев. съ нѣмец. 99. 30 к.
Очерки первобытнаго права. *С. Гальперина.* 93. 2 р., въ пер. 2 р. 30 к.
Сборникъ толкованій русск. юристовъ къ Суд. Уставамъ, за 25 лѣтъ (66—91) Сост. *А. Тимановскій.* Изд. 2. 92 г. 3 р., въ пер. 3 р. 50 к.
Судебно-психіатрическіе очерки. Проф. *П. Ковалевскаго.* Изд. 2. 1900. 2 р. 50 к., въ перепл. 3 р.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 декабря 1899 г.

Типографія М. Меркушева. Невскій просп., № 8.